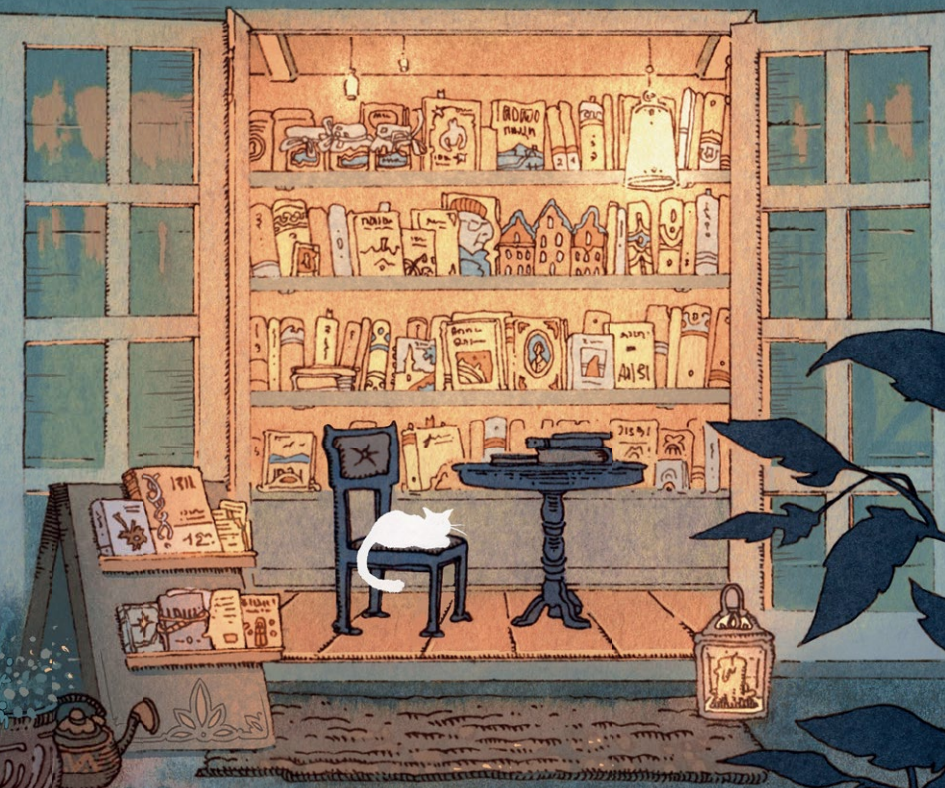

КНИЖНЫЙ ДОМИК В ТОСКАНЕ

АЛЬБА ДОНАТИ

перевод Полины Дроздовой

роман

МИО

*Моей несуразной семье,
состоящей из путаницы дат и имен*

— Романо, я бы хотела открыть книжный магазин у нас в деревне.

— Хорошо, а сколько у вас жителей?

— Сто восемьдесят.

— Так, если сто восемьдесят тысяч поделить на...

— Не сто восемьдесят тысяч, просто сто восемьдесят.

— Ты сумасшедшая.

Из телефонного разговора с Романо Монтрони, в то время директором сети книжных магазинов «Фельтринелли»

Жила-была однажды королева, и был у нее кукольный домик... такой чудесный, что со всех уголков мира люди приходили посмотреть на него.

Вита Сэквилл-Уэст «Тайна кукольного домика»

Январь

20 января

Каждая девочка несчастлива по-своему, а что касается меня, то я была очень и очень несчастлива. Может, причиной послужила свадьба брата, потрясшая все мое существование в возрасте шести лет, а может, моя мать, которая придерживалась несколько устарелых взглядов, или, может, какое-то влияние оказала обычная недолговечность внимания со стороны подружек: сегодня я с тобой играю, а завтра уже не желаю водиться и играю с другой.

С тех пор как я открыла книжный магазин, в каждом разговоре рано или поздно возникает вопрос: как вам пришло в голову открыть книжный магазин в затерянной глухой деревеньке, где живет сто восемьдесят человек?

Сегодня я упаковала множество посылок. В Салерно живет одна синьора, которая празднует День святого Валентина таким образом: одной своей дочери она дарит книгу стихов Эмили Дикинсон, календарь Эмили Дикинсон и «Эмили» — духи на основе натуральной эссенции османтуса, а другой дочери — книгу Эмили, календарь Эмили и браслет, украшенный лепестками

розы и гипсофилами. И, будто этого мало, синьоре нужен «Гербарий» нежно любимой Эмили и еще один календарь уже для себя самой.

Как мне пришла в голову идея открыть магазин? Идеи не приходят в голову — идеи прячутся в нас, бродят, осаждают наше воображение, пока мы спим. Они живут сами по себе и развиваются параллельно в каком-то дальнем уголке нашего существа, о котором мы даже не имеем ни малейшего представления, пока в один прекрасный момент они не предстают перед нами, мол, встречай нас, мы — твои идеи и хотим, чтобы ты нас выслушала.

И эта идея, похоже, так же покоилась где-то в глубине, запрятанная в складках того сумрачного и вместе с тем жизнерадостного уголка, что зовется детством.

Одним из питавших ее источников было дело Лаворини — первого похищенного ребенка, убитого на моей памяти и найденного затем в окрестностях Виареджо: его историю мне каждый день рассказывал дедушка, у которого был кассетный магнитофон. Дедушка Туллио не шел в ногу со временем, в отличие от моих теток, очень современных и распутных (как утверждала деревенская молва). Я немного стыдилась их, но в то же время обожала.

Их присутствие в моей жизни уравновешивалось на другой чаше весов теткой Польдой,

сестрой моей матери, крестьянкой по роду занятий — доброй и отзывчивой женщиной, которая в числе прочего никогда не была замужем и очень этим гордилась. Я целыми днями любила играть с пуговицами у нее на кофточке, то расстегивая, то застегивая их, что давало мне предлог сидеть у нее на руках и слушать ее истории. Еще одна тетка, тетя Фени — в миру Фенизия — тоненькая, но сильная, робкая и мудрая, служила экономкой в чужих домах; это она, принося мне подаренные ей хозяевами книги, приобщила меня к чтению романов.

В честь нее я дала имя «Фенизия» школе языков культуры, которую несколько лет назад основала вместе с моим партнером Пьерпаоло. Заботливо возвращать знание мне представлялось столь же необходимым, как и заботливо готовить вкусный минестроне* — такой, какой умела делать она.

Зато моя мама рассказывала истории, которые могли убить наповал даже динозавра эпохи плейстоцена. В самой ее любимой говорилось о девочке, задремавшей под деревом, пока мать работала в полях. О том, как в этот момент появилась большущая змея и заползла в горло малышке. Здоровой реакцией моего детского организма стал своего рода блэкаут, спрятавший

* Популярный в Италии легкий овощной суп.

эти воспоминания и законсервировавший то, что еще можно было спасти и что значительно позже, за двенадцать лет сеансов психотерапии спасет доктор Лючия.

Наша деревушка была маленькой, но я любила ее и рисовала холм напротив дома весной, летом, осенью и зимой, как если бы это была гора Килиманджаро. Небывалые места, как сказал бы философ, — это места, где ты никогда не бывала. И на тот холм напротив дома я до сегодняшнего дня так ни разу и не поднялась. Я обожала иней на полях, мне казалось, что это хрусталь, из которого сделан замок Спящей красавицы. А еще я обожала муравьев за упорство, с которым они боролись за выживание. В какой-то момент, если живешь в доме без отопления, без удобств, а твои глаза, руки и даже уши начинают одолевать разные хвори, вполне логично начинаешь думать, что умираешь.

На этой предваряющей повествование картинке не хватает папы. Мне и в самом деле очень его не хватает, ведь когда он сидел рядом с моей кроватью — которая, как мне часто представлялось, должна была стать моим смертным одром, — все хвори глаз, рук и ушей отступали и мир снова становился достойным моего взгляда.

Этот дневник я по случайности завела 20 января — в день, с которого начинается «Ленц»

Бюхнера и вокруг которого Пауль Целан, поэт, получивший премию Бюхнера 22 октября 1960 года (за девять лет, пять месяцев и двадцать девять дней до того, как броситься в Сену с моста Мирабо), строит свою торжественную речь на церемонии вручения.

Потому что даты очень важны, и у каждого из нас есть свое 20 января — день, когда Ленц бросает все и отправляется в путь. Также 20 января 1943 года в путь отправился и первый муж моей матери. Он, вместе с другими альпийскими стрелками*, оставшимися в живых, получил приказ оставить Дон и отступить. Это было эпилогом войны с Россией, которая только за эти дни унесла жизни пятидесяти одной тысячи солдат, убитых или пропавших без вести. Температура тогда опустилась до сорока градусов мороза, а у многих из них не было даже обуви.

Йоле, моей матери, было двадцать четыре года; Марино, ее мужу, — двадцать восемь; Джулиано, моему брату, — шесть месяцев. Семья, которой не стало, разлетелась на куски под Ворождем — городом, где жил Осип Мандельштам, прежде чем оказаться в заключении в сибирском лагере и там умереть.

* Альпийские стрелки, или альпини, — изначально горнострелковые войска армии Италии; в широком смысле — все итальянские воинские подразделения. — *Прим. пер.*

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь, —
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...

Моя мать все ждала и ждала, но от Марино не было никаких вестей, как будто его поглотила бескрайняя степь. Официальные сведения в военных реестрах заканчиваются датой 23 января 1943 года, и после этого — ничего. Вместо этого пришла военная пенсия, предназначавшаяся женам всех пропавших без вести.

Мандельштам провел меня за руку по своей степи еще прежде, чем я узнала, что степь эта — та самая, над которой плакала моя мать.

Между тем я тоже все бросаю: прекраснейший в мире город, завидную работу, красивый дом рядом с Национальной библиотекой — и возвращаюсь в деревню, чтобы посмотреть, пропала ли змея, и узнать, не была ли случайно та девочка под деревом едва задремавшей Алисой в Стране чудес.

* * *

Сегодняшние заказы: «Изверг» Эмманюэля Каррера, «Жизни девочек и женщин» Элис Манро, «История одного мальчика» Эдмунда Уайта, «Покидая дом» Аниты Брукнер, «Между актов» Вирджинии Вулф, «Отель “Тишина”» Аудур Авы Олафсдоттир.